

ОБЩЕОЦЕНОЧНЫЕ ПРЕДИКАТЫ «ХОРОШО» И «ПЛОХО» В МОДЕЛЯХ «ЦЕННОСТНЫХ СДВИГОВ» (ПО ДАННЫМ ПОЭТИЧЕСКОГО КОРПУСА В НКРЯ)

В работе на новом материале развиваются некоторые положения, обоснованные ранее, в статьях [Радбиль 2021, 2023]. Под «ценностными сдвигами» мы понимаем разнообразные явления контекстуального семантического преобразования в коннотативно-оценочной сфере семантики единицы языка, при котором эксплицитная позитивная или негативная оценочность в анализируемом слове входит в определенное противоречие с имплицитной оценочностью другого знака, имеющей место в словах, входящих в ее ближайшее или дальнейшее контекстное окружение (*доброе зло, злая правда, прекрасная помойка, ужасная гармония* и под.). Указанные «ценностные сдвиги» являются весьма характерной чертой языка русской поэзии, которой присущи эстетические установки на поиск новых средств художественной выразительности, особенно если описываются сложные и внутренне противоречивые состояния мира или состояния души человеческой. Многочисленные примеры контекстов, по которым можно верифицировать «ценностные сдвиги» в языке русской поэзии, содержит поэтический корпус в составе Национального корпуса русского языка.

В данной работе предметом непосредственного исследовательского внимания стал только один вид моделей «ценностных сдвигов», а именно – репрезентативные контексты употребления общеоценочных предикатов *хорошо* и *плохо* в роли слов категории состояния (безлично-предикативных слов): *хорошо* + инфинитивная конструкция (обозначающая что-то плохое) / *хорошо, что P.* (обозначающее что-то плохое) ↔ *плохо* + инфинитивная конструкция (обозначающая что-то хорошее), *плохо, что P.* (обозначающее что-то хорошее).

Наличие подобных контекстов означает дискурсную реализацию индивидуально-авторской оценки в качестве чего-то хорошего по отношению к тому, что в обыденном представлении является чем-то плохим (и наоборот). Явления подобного рода отступлений от некоей общепринятой в языковом сообществе системы ценностей во многом обусловлены возможностью эксплицитного оксюморонного сближения общеоценочных предикатов *хорошо* и *плохо* в контекстах совместной встречаемости (по модели названия известного фильма «*Плохой хороший человек*» И. Хейфеца по повести А.П. Чехова «*Дуэль*»): *За магазином ввечеру // стояли, тихо говорили. // Как хорошо мы плохо жили, // прикуривали на ветру* [Б. Б. Рыжий. «В те баснословнее года...» (1997)].

Итак, самый большой массив в выборке интересующих нас примеров связан с ценностными сдвигами в употреблении безлично-предикативного слова *хорошо*, прежде всего отражающими позитивно-оценочное отношение к разным аспектам концепта «смерть» (смерть в раннем возрасте, самоубийство, насильственная смерть, казнь, могила и пр.): *Мне теперь хорошо – // мне не хочется жить...* [Г. В. Сапгир. *Операция* (1999)]; *Как хорошо у бездны на краю*

// загнуться в хате, выстроенной с краю... [А. В. Еременко. Невенок сонетов, 11 (1989)]; Когда повесилась, ей стало хорошо, // гораздо лучше, чем в писательской общине... [Ю. П. Мориц. «Когда повесилась, ей стало хорошо...» (1999)]; Но хорошо и в кладбищенской мгле, // Мы за себя наконец-то спокойны... [В. Блаженный. «Это не мне говорит он, а вам...» (1989)].

Также достаточно много примеров выражения индивидуально-авторской позитивной оценки заболеваний, в том числе ментальных, техногенных катастроф: Как хорошо, что мы вдвоем, // Как хорошо, что мы горбаты // Пред Богом ... [Л. Г. Губанов. Молитва 1965]; Хорошо еще, что однорукий, – // обе оторвали бы руки... [Г. С. Семенов. Учитель (1952–1956)]; Хорошо еще, что с ума сошел, // чтоб креститься, бить, вешать, // вешаться, приглашать бомжей за роскошный стол [А. Н. Миронов. «Долго жить – долго мучаться...» [Кинематограф] (1994)]; Ах, как сочится кровь из ран // Души истерзанной и плоти, // Как хорошо лететь в Израиль // На неисправном самолете [А. П. Межиров. «Ах, этот старый анекдот...» (1988)].

Во многих фрагментах позитивно оценивается пребывание на войне, что вполне объяснимо в контексте национальной ментальности: Хорошо было на войне. // С тех пор // так прекрасно не было мне [Б. А. Слуцкий. «Хорошо было на войне...» (1977)]; И все же существую. // А хорошо бы снова на войну [Д. Самойлов. «Пью водку под хрустящую капустку...» (1966)].

Также неузуальной положительной оценке может подвергаться состояние природы или внутреннего мира человека, в прототипическом мире социума обычно оцениваемое отрицательно: Это все хорошо, // что так пусто, угрюмо и тоще [Е. Б. Рейн. Елисеевский (1990)].

Совсем незначительно в нашей выборке количество контекстов с общеоценочным предикатом *плохо*, который, напротив, приписывает неузуальную негативную оценочность явлениям, обычно оцениваемым как положительные — см., например: Я не был никому врагом, // А это очень плохо, // Особенно когда кругом // Враждебная эпоха [А. А. Штейнберг. «Я не был никому врагом...» (1960–1963)]; Окликаю Зиму: – Эй, старуха! // Что твоя повисла голова? – // «Плохо мне! Прикончена разруха, // Всюду мне в лицо трещат дрова» [В. Я. Брюсов. Оклики (25.10.1921–30.10.1921)].

Это, на наш взгляд, еще раз подтверждает ценностную асимметрию членов оппозиции ХОРОШО / ПЛОХО, где ПЛОХО выступает как маркированный член, контекстно обусловленный и тем самым более специализированный в сочетаемости.

Литература

Радбиль Т.Б. Лингвокреативный потенциал ценностных аномалий в художественной речи // Русский язык в поликультурном мире: V Международный симпозиум (8–12 июня 2021 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. / Отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2021. Т. 1. С. 205–211.

Радбиль Т.Б. «Ценностный сдвиг» как разновидность семантических преобразований в языке русской поэзии // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 2. С. 59–67.